

Munich Personal RePEc Archive

Institutional matrix: refusal of economic determinism

Filippova, Irina

Vladimir Dahl East-Ukrainian National University

2011

Online at <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/47532/>
MPRA Paper No. 47532, posted 10 Jun 2013 14:53 UTC

Филиппова И.Г.
Луганск

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ МАТРИЦА: ОТКАЗ ОТ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДЕТЕРМИНИЗМА

В статье предлагается концептуальный подход к определению сути и методология анализа институциональной матрицы общества и обосновывается системообразующий характер института труда.

Ключевые слова: Институциональная матрица, базисные институты, отчуждение, социальная энтропия, социально-экономическая система, общество.

Актуальность темы. Методология любой науки опирается на определенные принципы и критерии классификации изучаемых объектов, процессов и явлений, благодаря чему создаются классы, категории, определяются базовые типы систем, устанавливается их иерархия; однако на стыке наук образуется «зона турбулентности», в которой иерархические принципы двух или более наук вступают в конфликт. Изучение социально-экономической системы общества представляет собой такую «зону турбулентности» до тех пор, пока остается невыясненным главный вопрос: определяет ли бытие общества (согласно доктрине либерализма) экономическая система, или социум является системой, способной к самоуправлению на основе внеэкономических целей и принципов. Кризис общественного организма, выражающийся в энтропии социальной системы, усилении тенденций дезинтеграции и распада, актуализирует новые аспекты анализа: речь идет уже не о экономической, а о социальной эффективности всей системы институтов; речь идет о целостности социума, приносимой в жертву экономическому росту.

Актуальность данной проблемы исчерпывающе сформулирована Карлом Манхеймом [15, С. 468]: «Сегодня нет ничего более очевидного для думающих людей, чем потребность последовательной и объективной точки зрения на общество, его настоящие и будущие возможности».

Постановка проблемы. В основе любой системы – структура, определяющая связи между элементами; социальная система существует постольку, поскольку существует система социальных отношений [21, 24, 25], которые не тождественны транзакциям, и потому не могут быть вытеснены ими без нарушения целостности социума. Система отношений является устойчивой благодаря социальным (интегрирующим) институтам, которые образуют систему, «скелетом» которой является институциональная матрица. В этом аспекте наиболее важным представляется выяснение сути институциональной матрицы, ее структуры, ее базовых («чистых») типов (или прототипов реально существующих образцов).

Анализ последних исследований и публикаций. Кризис современного общества и экономического детерминизма многоаспектно рассматривается в работах многих ученых, среди которых Ральф Дарендорф [11], Эмиль Дюркгейм [12], Иммануэль Валерстайн [6], Карл Полаanyi [16, 17, 18], Герберт Спенсер, Энтони Гидденс [9], Зигмунт Бауман [1, 2], Карл Манхейм [15], Джозеф Юджин Стиглиц [19], которые убедительно доказывают, что существующая парадигма научного познания социально-экономической реальности не жизнеспособна.

Традиционно экономисты выделяют рыночный и нерыночный способ ведения общественного хозяйства; при этом нерыночная система называется по-разному: планирующей системой [10], централизованно-управляемой, редистрибутивной [16] или раздаточной экономикой [3, 4].

Дж. К. Гэлбрейт под планирующей системой подразумевал сферу влияния крупных монополий и транснациональных корпораций, а рыночной экономикой называл сферу свободной конкуренции мелких и средних товаропроизводителей [10].

В. Ойкен называл централизованно управляемой экономикой такой тип организации хозяйства, когда управление осуществляется из единого центра, координирующего действия хозяйствующих субъектов и распределяющего ресурсы.

К. Поланьи называл такую экономику редистрибутивной, имея в виду, что ресурсы и блага аккумулируются центром и затем распределяются между субъектами, связанными между собой не непосредственно, а через центр [16, 17, 18].

Парадигма нового подхода к исследованию социально-экономической реальности сформулирована О.Э. Бессоновой, которая развивает теорию «раздаточной экономики» [3, 4]. В рамках этой научной традиции Кирдина С.Г. [13, 14] описывает две модели институциональных матриц: восточную X–матрицу и западную Y–матрицу, выдвигая тезис о том, что их основой являются исторические инварианты – базовые институты, остающиеся неизменными в процессе эволюции социально-экономической системы общества.

Бессонова О.Э. и Кирдина С.Г. определяют институциональную матрицу как систему экономических, политических и идеологических институтов, находящихся во взаимно однозначном соответствии. Как и Дюркгейм, она отделяет абстрактные социальные формы («социальные факты») от конкретных фактов и явлений («социальной реальности»). Институциональные матрицы Кирдина рассматривает как абстрактные воплощения социальной реальности, а базовые институты – как сущностные связи между основными сферами человеческой деятельности в обществе [13, 14], в отличие от гибких институциональных форм.

Вообще трактовка «базовых институтов» в этой концепции представляется скорее фактологической, а не методологической; «административное деление» или «федерация» – это всего лишь отражение существующих форм пространственной организации, что отнюдь не означает невозможности возникновения альтернативы этим «инвариантам»; в основном элементы институциональной матрицы в этой концепции являются механизмами или индикаторами, но никак не институтами. Можно оспорить методологическую обоснованность положения об исторической инвариантности «базовых институтов» в этой концепции; такой детерминизм лишает даже надежды на «обретение» той альтернативы существующему несовершенству общественных систем, о которой писал Поланьи.

На наш взгляд, институциональная матрица действительно инвариантна, но не по конкретной форме существования образующих ее институтов, а по их сути; базисные институты, формирующие основу системы – это системообразующие институты собственности, власти, управления и труда. В любом своем конкретном воплощении они определяют всю совокупность конкретных форм социальных институтов (а других институтов, кроме социальных, быть не может, поскольку институты – это рамки социальных взаимодействий).

В теории общественно-экономических формаций институты труда и собственности определяют экономический базис: труд относится к производительным силам, институт собственности – к производственным отношениям (рис. 2).

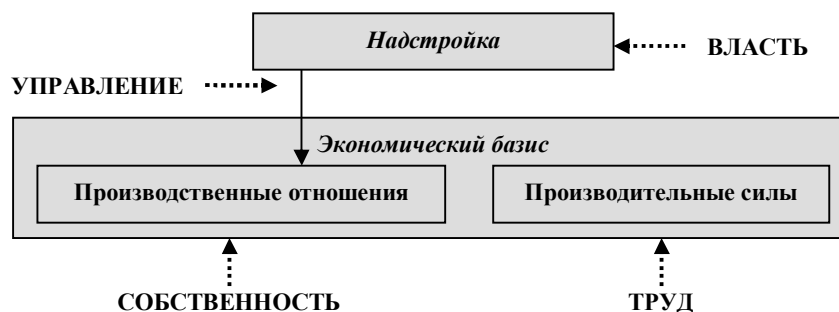

Рис. 2. Базисные институты в теории общественно-экономических формаций

Институт власти рассматривается как элемент надстройки, а управление относится к хозяйственному механизму, связывающему надстройку с производственными отношениями.

В отличие от формационного подхода, в котором доминирующая роль отводится экономическому базису, институциональное направление исходит из доминирующей роли надстройки.

Бессонова О.Э. [3, 4] и Кирдина С.Г. [3, 4] рассматривают социальную реальность как совокупность трех сфер: идеологии, политики, экономики; на основании такого «деления» социальной реальности они определяют соответствующие этим сферам подсистемы институтов. Насколько условным является такое деление – это вопрос корректности методологии, поскольку дифференциация сфер социальной реальности является явно не свойственной отдельно взятому индивиду, который вряд может так четко разграничить свои политические, идеологические и экономические мотивы и поступки [16, 17, 18]. Если же, вопреки этому, мы будем дифференцировать эти сферы, опираясь на принцип различия свойств агрегата (социума) от свойств составляющих его элементов (индивидов), то необходимо, очевидно, доказать, что для агрегата эти сферы действительно четко разграничиваются. Такого доказательства в строгой форме до сих пор нет, что наводит на мысль о невозможности построения методологии изучения социально-экономических систем на основе классификации институтов по принципу «экономика – направо, политика – налево, а идеологию оставим посередине». Можно скорее доказать «от противного» неправомочность такого деления; можно на множестве примеров показать, что идеология, политика и экономика вообще не имеют четких «водоразделов»; Дж. Ю. Стиглиц пишет по этому поводу: «Сама точка зрения, что можно отделить экономику от политики или – в более широком смысле – от общества, иллюстрирует узость взглядов» [71, С. 68].

Мы постоянно сталкиваемся с экономической политикой; политика есть скорее механизм реализации определенной идеологии, которая, в свою очередь, включает совокупность экономических принципов. Вообще сам принцип деления политики на социальную и экономическую наводит на мысль о том, что «водораздел» как раз находится именно здесь; именно здесь нужно искать методологическую основу для научного анализа форм социальной реальности и способов управления ею.

Цель статьи – формулировка концепции подхода к определению структуры институциональной матрицы общества как методологической основы анализа социально-экономической реальности; обоснование системообразующего характера института труда и подхода к процессу деформации институциональной матрицы как результату вытеснения института труда.

Изложение основного материала. В данном исследовании институциональная матрица рассматривается как «коллективный разум» общества, и анализируется с позиции его влияния на развитие социального организма; вся система социальных институтов рассматривается как более или менее успешно развивающееся «сознание» общества. Мы не рассматриваем «базовые институты» в концепции Бессоновой–Кирдиной инвариантами; это, на наш взгляд, было бы тупиком для научной мысли, направленной на поиск тех «форм социальной реальности», тех институциональных систем, которые обеспечили бы социальный прогресс.

Разнообразие социально-экономических систем обусловлено не только исходным типом институциональной матрицы («корнем дерева», эндогенным параметром системы), но и специфическими особенностями географии и природно-климатических условий среды обитания нации или народности, исторических условий (степень агрессивности окружения; доступ к тем или иным ресурсам, торговым путям и т.д. – экзогенными факторами). Традиции, культура, формирующиеся в результате самоосознания нации себя в структуре бытия, относятся к системе социальных институтов; однако как «способ мышления» эти институты одновременно являются эндогенными факторами системы социальных институтов; как наиболее инерционные эндогенные параметры системы, они трудно поддаются деформации и практически не могут быть трансплантированы.

Итак, институциональная матрица выступает «мозгом», а оболочка системы социальных институтов – культура, традиции – выступают «способом мышления»; вся система социальных институтов является совокупностью «правил выживания социума» в заданных внешних условиях, т.е. создается «мозгом» в соответствии с алгоритмом его мышления; остается проблемным происхождение самой институциональной матрицы.

Рис. 1. Модель формирования системы социальных институтов

Для управления жизнедеятельностью социального организма институциональная матрица в рамках существующего способа мышления (традиций и культуры) порождает иерархически упорядоченную систему институтов, обеспечивающую координацию и согласование процессов функционирования отдельных элементов социально-экономической системы. В основном все существующие классификации относятся к системе институтов, порожденных институциональной матрицей, а не к самой матрице; таким образом, классифицируются в основном результаты ее функционирования. При этом экономисты рассматривают механизмы управления экономической системой, а социологи концентрируют внимание на проблемных аспектах социальной; узкая специализация анализа на политической, юридической, социальной, экономической или культурной сфере общественных взаимодействий не позволяет понять принцип устройства и функционирования «коллективного разума» – институциональной матрицы общества.

В нашей концепции институциональная матрица, главной функцией которой является интеграция и поступательное развитие общества, – это система базисных институтов (рис. 3), обеспечивающих взаимосвязанное функционирование экономической и социальной систем общества.

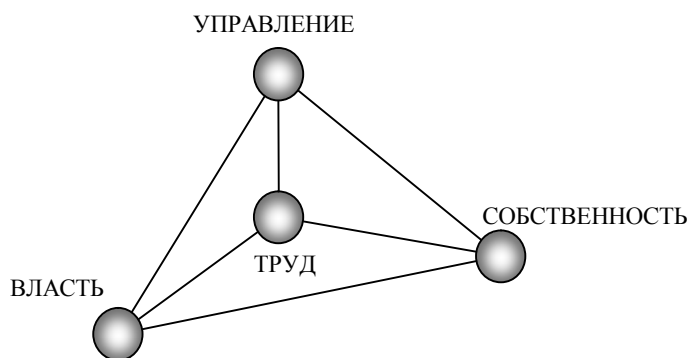

Рис. 3. Институциональная матрица социально-экономической системы общества

Как «коллективный разум», институциональная матрица обеспечивает согласование интересов (институт власти); формулировку целей и координацию действий (институт управления); распределение благ (институт собственности);

интеграцию социальной и экономической систем (институт труда). Фундаментальным положением данной концепции является утверждение, что институт труда имеет системообразующий характер. В рамках такого подхода два базовых («чистых», теоретических) типа социально-экономических систем (см. рис. 5) имеют различные системы базисных институтов (т.е. институциональные матрицы, табл. 1).

Таблица 1.

Базовые типы институциональных матриц				
	Собственность	Власть	Управление	Труд
Модель Y	Частная	Снизу вверх	Рынок	Товар
Модель X	Общественная	Сверху вниз	Государство	Обязанность

Предлагаемая классификация не претендует на историческую инвариантность, поскольку «азиатский способ производства» К. Маркса является прототипом X-матрицы, но подразумевает несколько иные институты собственности (централизованная) и управления (сюзерен). Однако можно утверждать, что базовых типов институциональных матриц существует в действительности два¹; они определяются базисными институтами; вся система социальных институтов формируется на их основе, отражая специфические особенности национального мышления, культуры, традиций. Взаимобусловленность базисных институтов очевидна: невозможно заменить один базисный институт X-матрицы на соответствующий институт Y-матрицы, не меняя всю систему базисных институтов. Образование «гибридных» форм базисных институтов приводит к появлению смешанных типов в координатах XY-матриц (рис. 4).

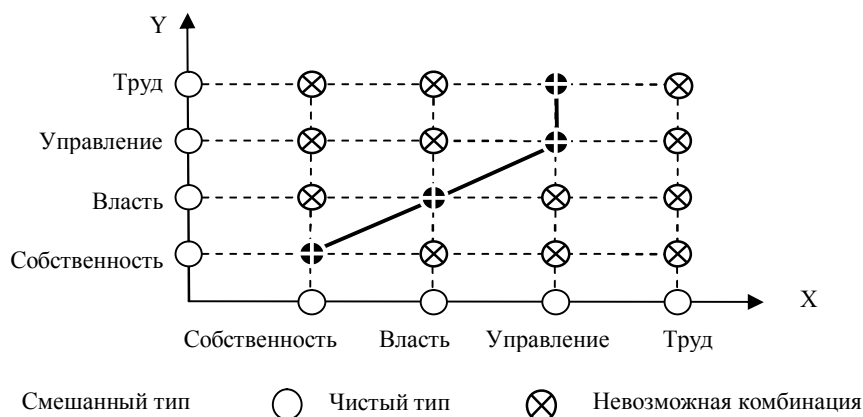

Рис. 4. Пространство реальных типов институциональных матриц

На рис. 4 крестом отмечены точки, отражающие невозможность сочетания базисных институтов различных матриц; институт власти X-матрицы не сочетается с институтом управления Y-матрицы, и наоборот. В этом и заключается взаимобусловленность базисных институтов. Таким образом, изменение одного из базисных институтов автоматически влечет изменение всей системы.

Следует отметить, что институт труда является единственным в системе базисных институтов, не допускающим смешанные формы. Это определяет его особое значение в системе базисных институтов как системообразующего (определяющего тип интеграции социума²).

¹ Это не означает невозможность появления третьего варианта; более того, доказывая ограниченность этих «базовых типов», мы хотим показать необходимость поиска приемлемой альтернативы

² как «механических элементов» или как свободных индивидов

В модели X труд является объектом общественной собственности, поскольку является обязанностью: владелец рабочей силы является скорее ее носителем, а не хозяином, поскольку ограничен в праве принимать решения относительно ее использования. В модели Y труд является товаром, владелец рабочей силы относительно «свободен» в принятии решений касательно ее использования.

Однако общим для обеих моделей является отсутствие влияния владельца рабочей силы на стоимость труда. Практически в обеих моделях цена труда устанавливается внешними по отношению к нему силами (государство или рынок). Но даже не этот факт определяет заведомую ограниченность двух «базовых типов» институциональной матрицы; наиболее важным является тот факт, что труд в обеих моделях вырождается в работу, утрачивая творческий характер путем регламентации и нормирования; цель труда (получение продукта) подменяется целью работы (получение оплаты); по сути, он становится обязанностью в обеих моделях с тем лишь различием, что в модели X он является обязанностью изначально, а в модели Y он становится обязанностью после заключения трудового договора (контракта). Став товаром, труд перестал быть трудом; рабочая сила остается «рабом», поменяв хозяина: внешний хозяин сменился внутренним (голод, толкающий на заработок). Человек не «хочет трудиться», а «должен работать», и причина этого «должен» (внешняя она или внутренняя) не имеет решающей роли, поскольку это уже не свободный выбор индивида. Отсюда сам «институт свободы» в концепции Бессоновой и Кирдиной вступает в противоречие с институтом «наемного труда».

По своей изначальной сути труд не является ни товаром, ни обязанностью: он является средством самореализации индивида в его отношениях с природой; субъект труда является, в первую очередь, целью существования и развития социальной системы. Превращая его в средство достижения цели, система уничтожает смысл своего существования. Безразличие обеих моделей институциональных матриц к проблеме социального прогресса – вот их общее фундаментальное свойство; таким образом, можно сделать вывод о наличии общей регрессивной функции, свойственной любым комбинациям (реальным воплощениям) этих «чистых типов», т.е. обе матрицы являются «разумом, нацеленным на самоуничтожение».

Возникновение общества связано с двумя процессами отчуждения: сначала – отчуждением человека от природы, затем – отчуждением человека от человека. Отчуждение человека от природы – процесс, непосредственно обусловленный трудом как деятельностью, предметом которой является эта самая природа.

Итак, труд лежит в основе возникновения общества; если бы человек не начал трудиться, используя и преобразуя вещества и элементы природы в соответствии со своими потребностями и фантазией, он так и остался бы ее неотчужденным элементом. Поэтому первым социальным институтом был институт труда: он регулировал отношения человека с природой, взаимодействия индивидов в процессе творческого преобразования продуктов природы, распределения полученного продукта и его потребления, определял роли и статусы индивидов. Таким образом, институт труда способствовал формированию «социального организма» – совокупности человеческих особей, отделившейся от среды своего обитания. Формирование института труда произошло, безусловно, значительно раньше институтов собственности, власти и управления. По сути, его главенствующая роль в этом «квартете» имеет историческую определенность; так сказать, «по праву первородства».

Отчуждение человека от человека – процесс, связанный с утратой чувства общей опасности; социум начинает «распадаться» за счет возрастающего значения индивидуальных интересов. Энтропия социальной системы – результат усиления позиций человека в его отношениях с природой, действительного или воображаемого; перестав реагировать на внешнюю опасность, человек начинает воспринимать «опасности» внутренние, происходящие от таких же, как он, субъектов социума; их интересы вступают в противоречие. По мере отчуждения человека от человека возникают отношения присвоения–отчуждения продукта труда, требующие института собственности, и отношения принуждения, требующие института власти.

Парадокс в том, что труд, ставший причиной отчуждения человека от природы, в дальнейшем сам стал объектом отчуждения. Это третий этап отчуждения, который приводит к формированию института управления, функцией которого становится целеполагание, организация, координация трудовой деятельности.

Регламентированный труд утрачивает свои изначальные свойства и вырождается в работу. Итак, разделение труда и его отчуждение необходимо приводит к окончательному становлению институтов собственности, власти и управления. При этом институт труда утрачивает свои основные функции: функция целеполагания переходит институту управления, который обуславливает также отчуждение процесса труда за счет его регламентации; функция распределения переходит институту собственности; институт власти осуществляет функцию принуждения, которая становится необходимой в условиях отчужденного труда, превращенного в работу, и в условиях действующего института собственности, отчуждающего продукт труда от его создателей.

Собственность вообще является «гордиейм узлом», теоретическим «камнем преткновения», водоразделом различных направлений научной мысли; исчезновение общинной собственности и возникновение института частной собственности связано с желанием индивидов «владеть лично», «не делить ни с кем». В этом своем сущностном проявлении институт частной собственности является дезинтегрирующим изначально; в нем проявилось творческое бессилие человеческого сообщества, которое не смогло «найти» иных институциональных форм для обеспечения индивидуальной автономии и суверенитета личности, и реализовало ее в форме автономии имущества. Опять-таки, это сугубо либеральный подход, в котором «личность» является «набором потребностей»; отчужденные потребности овеществляются в имуществе, которое «олицетворяет» индивида, становится основанием для определения ролей и социальных статусов – абсурд с точки зрения сущности индивида как совокупности неотчуждаемых индивидуальных качеств, не измеримых его имуществом.

Предположим, что в «нормальном» варианте институциональная матрица имеет практически «плоскую» форму, в которой все четыре базисных института являются равнозначными; однако по мере гипертрофированного развития института собственности она начинает деформироваться: как только труд превращается в товар, институт труда окончательно лишается смысла; ведь его полностью заменяет в этом случае институт рынка. При этом функция регуляции отношений с природой, которая выполнялась институтом труда, в новом варианте институциональной матрицы осталась не унаследованной ни одним из заменивших его институтов; формально они «распределили» эту функцию между собой, но фактически она осталась «за бортом» вместе с институтом труда.

Стоит обратить внимание на то, что процесс производства «предмета дележа» выпадает из сферы действия института собственности: здесь сфера действия институтов труда и управления. Институт собственности регулирует сферы распределения и обмена. Согласно неоклассической теории, операции обмена вполне успешно контролирует рыночный механизм, т.е. институт рынка (производный от института частной собственности, поскольку рыночные транзакции происходят между собственниками). А вот в отношении распределения все намного сложнее: присвоение и отчуждение – процессы, которые вряд ли когда-либо могли протекать мирно, при полном согласии сторон, не будь института, обеспечивающего принуждение одного из субъектов этих отношений. Вот тут как раз проявляется обусловленность института власти институтом собственности. Чем более институт собственности ориентирован на принудительное отчуждение, тем больше он нуждается в сильном институте власти.

Институт власти выполняет вполне четко определенную функцию принуждения, необходимую для «нормального» функционирования института частной собственности в Y-матрице и принуждения к труду – в X-матрице; все прочие функции института власти становятся «рудиментарными», а социальная ответственность – лишним элементом социального сознания. Иммануэль Валлерстайн замечает, что во все эпохи «...универсальность государств на практике выражалась в забвении многих

представителей низших слоев населения или репрессиях, проводимых против них» [6, С. 46].

Таким образом, «плоская» институциональная матрица «вытягивается» по вертикали, вершиной которой становится институт собственности; под ним – необходимый ему институт власти; ниже – институт управления, определяющий цель и регламентирующий процессы труда; и в самом низу, почти неразличимый ввиду его теоретического «уничтожения» и практического отчуждения – институт труда. Это и есть деформация институциональной матрицы, приводящая к энтропии социальной системы, поскольку ввиду разбалансированности системы институтов, как отмечал К. Манхейм, «...в массовом обществе социальные механизмы, которые должны обеспечивать посредничество и интеграцию, постоянно подавляются» [15, С. 440].

Выводы. Системообразующий характер института труда является исторически определенным и проявляется в его интегрирующей функции [12]. Труд является основой функционирования экономической системы общества (рис. 5), которая без него представляет собой механическую совокупность произведенных и произведенных активов, т.е. не является системой по сути.

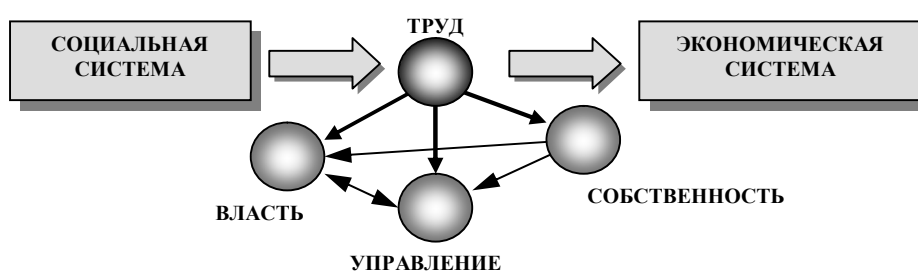

Рис. 5. Системообразующий характер института труда

Системообразующий характер института труда выводит на первый план проблему его развития и подчинения ему всех остальных элементов институциональной матрицы.

Л и т е р а т у р а:

1. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. [Пер. с англ.] / З. Бауман — М.: Издательство «Весь Мир», 2004. — 188 с.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество / Зигмунт Бауман; Пер. с англ. под ред. ВЛ. Иноземцева. // Центр исследований постиндустр. об-ва, Журн. «Свобод. Мысль». — М.: Логос, 2002. — 390 с.
3. Бессонова О.Э. Итегрально-институциональная парадигма цивилизационного развития как новая методология познания / О.Э. Бессонова // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2008. — Том XI. — № 2. — С. 15–32.
4. Бессонова О.Э. Феномен теории институциональных матриц: реставрация устаревшей парадигмы / О.Э. Бессонова // Экономическая наука современной России. — 2007. — № 2 (37). — С. 23–33.
5. Валентей С.Д. Развитие общества в теории социальных альтернатив / С.Д. Валентей, Л.И. Нестеров. — М.: Наука, 2003. — 197 с.
6. Валлерстайн И. После либерализма: [Пер. с англ.] / И. Валлерстайн [Под ред. Б. Ю. Кагарлицкого]. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — 256 с.
7. «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее. / Под общей ред. Р.М. Нуреева. — М.: ГУ-ВШЭ, 2007. — 321 с.
8. Геєць В.М. Інституційні перетворення і суспільний розвиток / В.М. Геєць // Економіка і прогнозування. — 2005. — № 2. — С. 9–36.
9. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. [Пер. с англ.] / Э. Гидденс. — М.: Издательство «Весь Мир», 2004. — 120 с.
10. Гэлбрейт Дж.К. Экономические теории и цели общества / Дж.К. Гэлбрейт. — М.: [б.в.], 1986. — 230 с.

11. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. / Р. Дарендорф. [Пер. с нем. Л.Ю.Пантиной].— М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. — 288 с.
12. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм. — М., 1991. — С. 508–510.
13. Кирдина С.Г. Собственность в X-матрице. // Отечественные записки. — 2004. — № 6 (20).
14. Кирдина С.Г. X- и Y-экономики: институциональный анализ. — М.: Наука, 2004. — 256 с.
15. Манхейм К. Диагноз нашего времени. / К. Манхейм [Пер. с нем. и англ.]. — М.: Юрист, 1994. — 700 с.
16. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / К. Поланьи. — СПб.: Алетейя, 2002. — 320 с.
17. Поланьи К. Саморегулирующийся рынок и фиктивные товары: труд, земля и деньги / // THESIS. — 1993. — Вып. 2. — Т. 1. — С. 10–17.
18. Поланьи К. Два значения термина «экономический» [1953] / К. Поланьи [Под ред. Теодора Шанина] // Неформальная экономика. Россия и мир. — М.: Логос, 1999. — С. 498–504.
19. Стиглиц Дж. Ю. Глобализация: тревожные тенденции [Пер. с англ.] / Дж.Ю. Стиглиц. — М.: Мысль, 2003. — 302 с.
20. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории: Сборник / Пер. с англ. — М.: «Рольф», 2002. — 592 с.
21. Филиппова И.Г. Деформация институциональной матрицы в Украине / В.Г. Сумцов, И.Г. Филиппова // Збірник наукових праць Східноукраїнського національного університету ім. В. Даля. — № 17. — 2011. — С. 243–247.
22. Филиппова И.Г. Институціональна пастка: моделювання ринку праці в Україні / И.Г. Филиппова, Г.С. Балахнин // Формування ринкової економіки: збірник наукових праць. — Спец. випуск: у 3 т. — Т. 3. — К.: КНЕУ, 2010. — С. 369–377.
23. Филиппова И.Г. Модели рынка труда в Украине / И.Г. Филиппова, Г.С. Балахнин // Вісник Східноукраїнського національного університету ім. В. Даля. — № 11 (153). — Луганськ, 2010. — С. 261–266.
24. Филиппова И.Г. Отчуждение труда в экономической системе / В.Г. Сумцов, И.Г. Филиппова // Збірник матеріалів науково-практичної конференції „Формування та розвиток трудового потенціалу України: проблеми і перспективи”. — Луганськ-Євпаторія, 2011. — С. 174–176.
25. Филиппова И.Г. Експлікація категорії „відчуження” через систему соціальних інститутів / И.Г. Филиппова, В.Г. Сумцов // Збірник матеріалів науково-практичної конференції „Формування та розвиток трудового потенціалу України: проблеми і перспективи”. — Луганськ-Євпаторія, 2011. — С. 181–182.

Филиппова И.Г.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ МАТРИЦА: ВІДМОВА ВІД ЕКОНОМІЧНОГО ДЕТЕРМІНІЗМУ

У статті пропонується концептуальний підхід до визначення суті і методологія аналізу інституціональної матриці суспільства і обґрунтовується системоутворюючий характер інституту праці.

Ключові слова: *Институціональна матриця, базисні інститути, відчуження, соціальна ентропія, соціально-економічна система, суспільство.*

I.H. Philippova

INSTITUTIONAL MATRIX: WAIVER OF ECONOMIC DETERMINISM

The article is devoted to institutional control of social system and conceptual aspects of the structure of institutional matrix.

Key words: *institutional matrix, base institutes, alienation, social entropy, socio-economic system, society.*

Филиппова И.Г., к.е.н., доцент кафедры «Управление персоналом и экономическая теория» ВНУ им. В. Даля

Рецензент: Рамазанов С.К., д.э.н., д.т.н., проф. кафедры экономической кибернетики ВНУ им. В. Даля